

ГЕНРИХ БРАНДТ
капитан-адъютант-майор
Висленского легиона

На другой день утром (15 сентября) прибывшие из города польские уланы уверяли, что город отдан на разграбление. Эта весть вскоре была подтверждена людьми, которых послали за провиантом и которые вернулись с огромными запасами чая, рома, сахара, вина и всякого рода ценных предметов. Теперь уже не было средств сдерживать солдат. Все, кто не был занят в строю, исчезли. Кухни были брошены; все, кому полагалось носить дрова, воду, солому, и даже патрули, — все ушли и не вернулись. Если всех манила возможность грабежа, то у поляков к этому присоединилось желание отомстить за былые обиды. Я видел, как один улан ударами хлыста гнал перед собой русского, который должен был нести его добычу и гнулся под тяжестью своей ноши. Когда я стал упрекать его за эту грубость, он гневно ответил мне: «А знаете ли вы, что у меня убили мать и отца в Праге?» Грабеж этот был логическим, неизбежным последствием отданного с самого начала приказа — расположить войска в городе на военный постой — и исчезновения властей, которые могли бы упорядочить это расквартирование. Никаких мер против беспорядка принято не было, разве только у самого Кремля. Наконец, здесь не оказалось, как в других больших городах, толп людей из низших классов, которые послужили бы завоевателям в качестве проводников и помощников. Результатом такого стечения обстоятельств было то, что солдаты, отыскивая себе квартиру, пищу и питье, проникали со взломом во многие дома и лавки, запертые и покинутые. Разграбление и началось с магазинов съестных припасов, вин и спиртных напитков; с быстротою молнии оно перешло на частные жилища, общественные здания, церкви. В одном только нашем лагере и то я видел, как принесли сюда значительное количество серебряной посуды, серебра с эмалью, столового белья, дорогих материй и мехов, на которых растягивались солдаты; а затем целая масса мебели, стульев, канделябр и т.д., и все это грабители поручали переносить русским, таким же пьяным, как и они сами. Большинство этих предметов скуплено было по низкой цене теми подлыми торговцами подержанных вещей, по большей части евреями, которые в подобных случаях внезапно являются словно из-под земли. Голодовка сразу и резко сменилась крайним изобилием. Все бараки завалены были съестными припасами и напитками всякого рода: мясом свежим и соленым, копченой рыбой, вином, ромом, водкой и т.д. Вокруг всех костров варили, ели, а главное — пили чрезмерно; каждое новое прибытие награбленных предметов приветствовалось радостным «ура». Приводили также и раненых русских. Большинство из них, без сомнения, состояло из профессиональных воров, которые хотели захватить свою долю добычи; но — уввы! — между ними была и беднота, оставшаяся в городе и пострадавшая при защите своего добра...

Весь этот беспорядок, сначала всеобщий, скоро уменьшился вследствие насыщения и особенно тогда, когда увидели, что многие из грабивших возвращались не с добычей, а с одними только тумаками. Один монастырь, недалеко от центра, в котором устроился наш генерал Клапаред, обязан был этому обстоятельству почти полной своею сохранностью; и все-таки у этих почтенных монахов проделали огромную брешь в кладовой и погребе. Одного из них, хотевшего оказать сопротивление этому нашествию, даже избили довольно жестоко. Это совершенно вывело из себя одного из собратьев, монастырского библиотекаря, с которым я свел знакомство и который до этого момента казался мне довольно безропотным. Он заявил мне, что это святотатство принесет нам несчастье, что все священники и монахи, начиная с него самого, пойдут во главе русских войск с распятым в руках...

Брандт

**Покровский монастырь, в котором располагался Мари Мишель
Клапаред.**